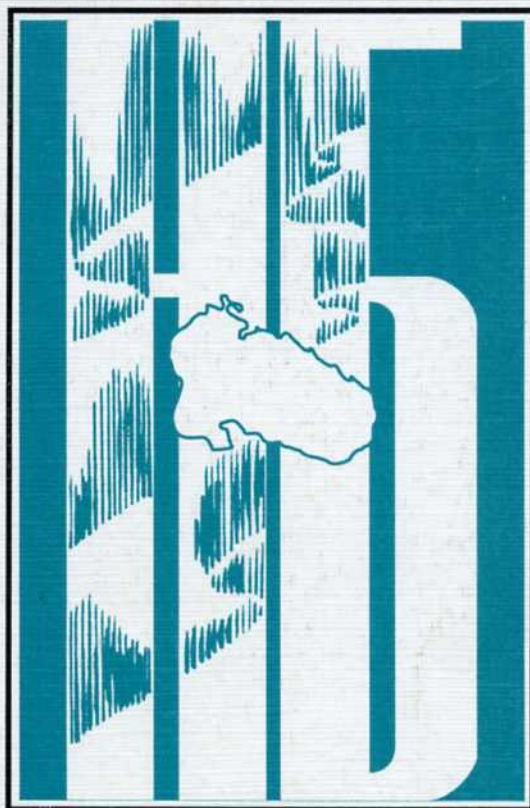

2 2006
АПРЕЛЬ

ISSN 1684-7466

НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

СЕРИЯ
ДУХОВНАЯ
ПРАКТИКА

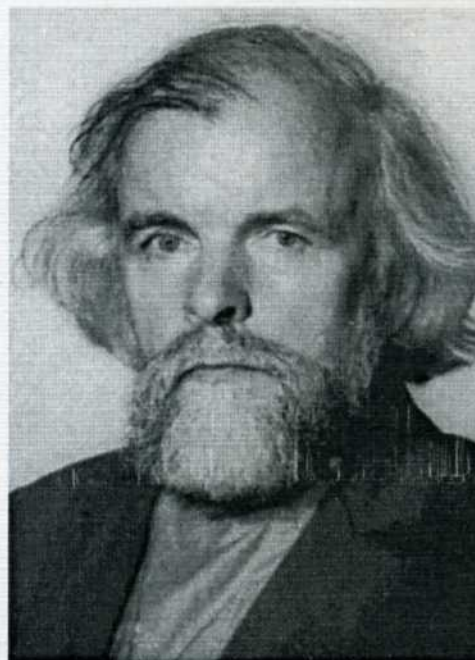
**Д. М. Балашов:
историческая
память**

НАУКА

И

БИЗНЕС

НА МУРМАНЕ

△ Верхние ил. на стр. 4:
«День Ивана Купалья», «Крещение»,
«Венчание»

△ Нижняя ил. на стр. 4
«Крещение Руси»

О праздниках

Д. М. Балашов

Все мы понимаем, что есть праздники и есть «серые будни», и никто не спутает одного с другим. Но когда начинаешь разбираться попристальнее, то оказывается дать определение празднику далеко не просто.

Выходной день, отпуск — праздники? Нет, конечно. А презентации различного рода, сопровождаемые зачастую обильным угощением, посиделки «капустники», студенческие вечеринки, дружеские застолья, наконец — памятные дни, юбилеи? Это что? А праздники красного календаря с их обязательными и, в больших городах, достаточно пышными демонстрациями? Тут кое в чем видится уже и переход к праздникам в их традиционном понимании! И все-таки это еще не вполне праздник, как нельзя назвать праздниками походы в театр или оперу. Ибо праздник подразумевает не столько даже пассивное, зрелищное восприятие, сколько активное соучастие в творческом, точнее — обрядовом действе. В настоящем празднике нет зрителей, ибо участники его — все.

Именно поэтому церковные праздники, приуроченные к жизненному пути Христа, где все молящиеся «соучаствуют» в службе, это уже точно праздники! (Да и те же демонстрации не из религиозных ли шествий заимствованы?)

И есть так называемые народные праздники (точнее сказать — общенародные), идущие еще с языческих времен, разделяемые на два цикла: годовой, связанный с земледелием и обожествлением природы, и цикл человеческой жизни, от колыбели и до могилы.

Тут и кудесы на Святках, Масляница, Радоница, Семик, ночь на Ивана Купало, зажинки, дожинки, супрятки и прочее. Крещение, свадьбы с массою древних обычаев и обрядов, похороны с поминками «тризной». Когда-то были еще, например, «постриги», приобщение юных (4—5 лет) мальчиков к взрослой жизни и многое другое. Поминали уже умерших в ту же Радоницу. В 1950-х годах на Печоре я еще застал обычай, приезжая домой после долгой отлучки, сперва идти на кладбище, здороваться с предками, а потом уже — к себе домой.

Народные праздники обычно у нас сплетались с церковными. Так весенние хороводы, гулянья, завиванье березки связывались с Троицей, церковный обряд венчания соединялся с народным обрядовым свадебным ритуалом, обычно достаточно пышным, растягиваемым на неделю, а то и две. Хождение со звездой на Рождество непосредственно переходило в ритуальное святочное веселье, в котором оживали, под видом

кудесов (ряженных, шелуханов — где как называют) древние языческие существа.

Праздник в традиционном смысле этого слова есть всегда обряд, сопровождаемый символично-магическими действиями, которые нельзя нарушать под угрозой возможной беды в будущем.

Характерный пример: еще в 1960-х годах на Русском Севере я записывал от группы пожилых женщин свадебные величальные песни. И женщины — хоть это была уже не свадьба, а так сказать, научная «полевая» запись, — все равно долго спорили, какие имена можно, а какие нельзя вставлять в величальные песни, когда кого-то «припевают» друг ко другу. А то назовешь реальных людей и разрушишь их нынешний семейный лад?

Тут еще и то надо подчеркнуть, что обряд духовно обязателен для всех, как например, обязательно крещение для христианина. Стыдно, да попросту и нельзя, девушке не пойти в хорювод, нельзя не устроить поминки по умершему, на которых покойнику ставят тоже налитую рюмку, на которых нельзя чокаться и т. д.

Вот эта вера в магическую силу совершаемого обряда и «держит» традиционные обрядовые празднества. (И даже в новообразованных празднествах тотчас начинают складываться какие-то обрядовые действия, которые надобно совершать).

И еще скажем: без этой магической основы, без наличия обряда праздник перестает быть праздником, вырождаясь в обыкновенную пьянку.

И еще: народ без этих вот традиционных празднеств — уже не народ, а толпа, лишенная как групповой («горизонтальной» так сказать), так и исторической («вертикальной», во времени) целостности. Толпа, способная к одномоментным эмоциональным взрывам, но лишенная согласного общенародного мировоззрения, исторического упорства, без которого невозможно уже становится и никакое дельное, долговременное государственное строительство, чему примером служит для нас горький опыт протекших десятилетий.

И мы сейчас будем говорить и говорим о бесчисленных человеческих жертвах, о зряшных экономических затратах, о разгроме сельского хозяйства, о таком же разгроме православия, но почти не касаемся самого страшного в протекших событиях: крушения обрядовой (и обрядово-закрепленной!) народной культуры, с ее традиционными празднествами, упорядочивающими и организующими жизнь, делающими ее осмысленной и духовной, а не животное-материальной. Не говорим о самом страшном и самом трудно-восстановимом! Ибо что такое телевизор вместо прежних обрядовых действий и сколь разлагающе действует он на нацию, кажется все уже давно убедились.

И что осталось? Когда-то, очень давно, я к своей давней статье об обрядах поставил эпиграфом подслушанный мною уличный разговор: — «Павел Иваныч!» — «Васька, от твою!» — «Как праздник встречаете?» — «Вчера с женой “столичную” на двоих

раздавили, сегодня пиво будем пить!» Эпиграф из публикации, конечно, выкинули, как и рассказ про одного ретивого комсомольского вожака, распорядившегося в своем районе в неделю создать «новые советские обряды». Далее я объяснял, помню, что обряды не создаются, а складываются, и в значительно более долгие сроки: веками, а то и тысячелетиями, подчас...

Вся беда культурной политики нашей в том и заключалась (и началось это, увы!, задолго до революции), что мы никак не могли понять и принять неприкосновенность обряда, традиции, необычайную важность «устоев». И я сжег все, чему поклонялся, поклонился всему, «что сжигал» — вот «манифест» нашей тогдашней демократической устремленности... Ну, а после остается лишь пепел, да напрасные и запоздалые сожаления об утраченном.

Да, впрочем, ко второй-то половине нашего века из всех «бытовых» обрядов остались едва ли не одни похороны с поминками, на краткий миг собиравшими вкуче всю родню-природу, чтобы затем вновь и уже навсегда разбежаться по сторонам.

И — да! Мы должны сменить нынешнее правительство, заменив предателей России ее патриотами, навести порядок, возродить промышленность и сельское хозяйство, обратить должное внимание на экологию, образование, медицину... Но вот как вернуть и можно ли вернуть в нашу жизнь обряд и красоту обряда, придающую осмысленность всему нашему прочему копошению?! Ибо без возрождения духовной культуры (а традиционные праздники есть как раз живое бытие этой духовной культуры нации!), без возрождения праздника мы не добьемся ничего. Жизнь останется серой, а труд — скучною обязанностью по воспроизводству материальных «благ жизни» (хотя от иных из этих «благ», как от того же телевизора, подчас выть хочется!) Тем паче, что материальные запросы полностью удовлетворить невозможно никогда, ибо они возрастают и возрастают с ростом богатств, а, вместе с тем, сами по себе, души-то и не насыщают, и единства нации отнюдь не создают.

И потому давайте посмотрим, что мы потеряли и что можно попробовать восстановить. Легче всего, всего «восстановимее» оказываются праздники церковные. Конечно, при условии, что церковь останется православной, а всяческие секты будут или закрыты или решительно утеснены. А то уж и до прямых убийств монахов сатанистами дошло! И когда мы научимся, скажем, поститься хотя бы перед Пасхой, более или менее регулярно ходить в церковь, причащаться, молиться перед едой, вообще участвовать в церковной жизни, тогда будут возрождены приходы и приходская жизнь, ибо именно церковный приход способен собирать людей не по сословной принадлежности, а по религиозно-национальной. С разрушением приходов и жизнь нации полноценной не может стать. Да и батюшек негоже перебрасывать с места на место, как гарнизонных офицеров, да и... Словом, это тоже тема для бесконечного разговора, и все-таки!

Б. М. Кустодиев. Масленица

Иное дело — народная обрядность, разрушенная гигантскими по масштабам миграциями населения, бегством из деревень в города, крушением быта, ссылками, уничтожением и перемещением деревень... Тридцатый год, год коллективизации, был для народной культуры подобен удару бритвой по горлу, перерезающий сразу все жизненные пути. Традиционный фольклор исчез почти сразу, единым годом. Те, кому было 14 лет в 1930-м, помнят еще, скажем, ту же свадьбу, старые протяжные и хороводные песни, кому было 11—12 лет — ничего уже не помнят, кроме мещанских романсов. Традиция была оборвана враз.

Ну и — потеря веры! Через школы и радио вколачиваемый не то, что атеизм, а насмешка над всякой традиционностью вообще.

Ну и то, что сложные фольклорные формы удерживались коллективом и бытовали в коллективе и в привычной, традиционной жизненной обстановке. Много тут можно сказать! И все-таки!

Стоило бы, например, править свадьбы с сохранением хотя какой-то старинной обрядности (разной по разным областям!), а не под свадебный марш Мендельсона, одинаково по всей стране — как выдумал некий чиновник из министерства культуры в 1950-х

годах. Можно бы и многое другое возродить. Мне самому случилось на Севере еще в самом начале шестидесятых, кажется, ходить с местными «ряжеными», и помню, как это было уповательно-весело, да и запомнилось на всю жизнь!

И вот тут-то и стоило бы журналу с названием «Праздник» открыть — как бы это точнее сказать? Рубрику? Серию? Череду? Публикаций об отдельных обрядах отдельных мест России. Коротких публикаций! Так, как из маленьких камешков слагаются целые мозаичные картины. Подобное начинание могло бы вызвать ответную реакцию — оживления памяти, а где-то и оживления обряда, святая святых нашей народной культуры.

А то мы, патриоты, давно уже перестали, да и разучились просто жить — мы только боремся за жизнь, проповедуем, бьемся, доказываем... И часто ли при этом в храм-то Божий заглядываем, не говоря о прочем! Не будем обольщаться. Не тогда придет наша победа, друзья-патриоты, когда, скажем, наши представители возьмут власть, а когда мы получим возможность и научимся вновь праздновать, когда возродим духовные основы бытия и «догоним», наконец, не Америку, а самих себя.